

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

**Олег
КОНДРАТЬЕВ**

**ДВОЙНОЙ
ЗАХВАТ**

Москва 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© PRESSLAB / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© PRESSLAB, Andrey_Kuzmin / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
faitoto / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кондратьев, Олег Владимирович.

К64 Двойной захват / Олег Кондратьев. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-116016-6

По тайномуговору НАТО с российскими военными чиновниками западные спецслужбы разрабатывают операцию по «захоронению» американских радиоактивных отходов на Кольском полуострове. Экипаж российского судна, перевозящего опасный груз, до последнего момента не догадывается, что участвует в грязной акции. Тревогу поднимает капитан-лейтенант Сергей Редин. Он первым узнает истинную подоплеку дела и пытается сорвать задумку врага. Американцы решают затопить взбунтовавшееся судно в Баренцевом море. Для этого на российский борт высаживаются отборные рейнджеры. Наши моряки вступают в смертельную схватку с диверсантами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кондратьев О.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-116016-6

Радиоактивные отходы — это различные материалы и изделия, которые содержат радионуклиды в высокой концентрации и не подлежат дальнейшему использованию. Наиболее опасные радиоактивные отходы — отработанное ядерное топливо...

Нарушение режима хранения может иметь катастрофические последствия...

Твердые радиоактивные отходы цементируют, битумируют, остекловывают и т.д. и захоранивают в контейнерах из нержавеющей стали...

Для твердых радиоактивных отходов надежных абсолютно безопасных способов захоронения до настоящего времени НЕТ из-за коррозионного разрушения контейнеров.

Большая Российская Энциклопедия

Часть первая

НА СУШЕ

*Северо-Восточная оконечность
Скандинавского полуострова,
район государственной границы
Российской Федерации и Норвегии*

Небольшой морской буксир и приземистая баржа в связке с ним неспешно продвигались вдоль береговой черты с запада на восток. При взгляде со стороны моря, они полностью сливались с серыми пологими сопками, а плотный предутренний туман довершал естественную маскировку, одинаково надежно прикрывая и спокойную в этот ранний час поверхность залива и пологий каменистый берег. Даже звуки, которые, казалось бы, так хорошо должны были разноситься над водой, полностью поглощались этим белесым туманом и вязкой сыростью, то ли от мелкого морозящего дождя, то ли от испарений с поверхности океана.

Впрочем, чье-то внимание в этой с виду необитаемой местности буксир все-таки привлекал: окуляры мощного бинокля позволили его обладателю с берега проследить путь «сладкой парочки» до тех пор, пока она не скрылась за очередным изгибом берега, продолжая свой неторопливый путь на восток.

Тогда бинокль отправился в футляр, а его владелец, сверкнув майорской звездой на погоне, поплотнее запахнул камуфляжную накидку и зашагал напрямик к расположенному в каменистой лощине неказистому одноэтажному строению, выполняющему теперь функции наблюдательного поста Погранотряда-18.

*Прибрежные воды Баренцева моря,
борт морского буксира мб-10, ходовая рубка*

Мужчине, стоящему у штурвала, было лет сорок пять. Весьма заметная небритость являлась не данью моде, а простым нежеланием соблюдать в море утомительный ритуал удаления растительности на лице. Это придавало ему довольно свирепый вид, а в сочетании с потрепанной капитанской фуражкой делало похожим на старого морского волка, каковым он на самом деле и являлся. Капитан любил, чтобы его называли «шкипер».

В ходовой рубке он был один. Такое нарушение корабельного расписания вызывалось целым рядом причин, как объективных, так и субъективных. Во-первых, своего молодого рулевого он отправил на необитаемую баржу, где тот, сидя в единственной, наспех сооруженной миниатюрной рубке, должен был управлять примитивным кормовым рулем, удерживая баржу строго в кильватере буксира. Во-вторых, его помощник после чересчур задушевного общения с мотористом где-то в промасленных недрах машинного отделения вывел себя из строя минимум часа на четыре. Находился он в своей каюте в состоянии полной протрации, что, впрочем, абсолютно не беспокоило капитана, а было ему скорее на руку, все равно ведь к штурвалу молоко-соса не подпустил бы, только перед глазами бы мельтешил.

А задание на самом деле рутинное, пустяковое: в такой-то точке, в такое-то время от необорудованного пирса забрать несамоходную баржу и отбуксировать ее в пункт передачи — Ханта-губу. Пожалуй, не совсем обычными были кое-какие мелочи: цеплять баржу «за ноздрю» придется своими силами, так как никакого личного состава ни на ней, ни на пирсе не будет, а

саму буксировку проводить на минимально допустимом расстоянии от береговой черты. Хотя, последнее вполне объяснимо: меньше качка, меньше снос. А кто лучше «шкипера» мог справиться с сугубо прибрежным каботажем в этих местах? Это по телефону особо подчеркнул и представитель Технического управления. Вот только сама точка рандеву... Так далеко «налево» по карте даже ему не приходилось забираться. Хотя какие там расстояния у вспомогательного флота? Да и пара кабельтовых туда, пара сюда... При теперешнем всеобщем бардаке — вон, даже карты новые на переход выдать не смогли — приходилось полностью полагаться лишь на интуицию, мастерство и опыт. А то ведь ненароком можно и до Англии дошкандыбать, а уж в Норвегию-то...

Капитан был польщен оказанным ему доверием и уважительным отношением высокого начальства: лично по телефону побеседовали, только ему и доверили. Что нам Норвегия?! Вода — не суша. Впрочем, если такие мысли и бродили у него в голове, то были они абсолютно не оформленными и не мешали думать о главном: по возвращении ему приказано явиться в финансовую службу и получить денежное довольствие на весь личный состав буксира за два месяца! А для него лично еще и отпускные, что вообще чудо в последнее время. И может он прямым ходом двинуть с мешком ассигнаций к себе под Полтаву, попить вволю горилки да отожраться домашними колбасами и салом. Даже захватить еще бархатный сезон. Э-ээ!

Сквозь пелену тумана по правому борту появились створные знаки, указывающие вход в родной залив, и, переложив штурвал, капитан гудком буксира просигналил рулевому на барже: «Делай, как я!»

Задание было выполнено.

*Поселок Роста,
Техническое управление Северного флота,
Кабинет заместителя начальника ТУ
по ядерной безопасности*

— Значит, так, Николай Степанович, возьми под свой личный контроль эти перегрузочные работы на плавмастерской. Понимаю, что это и так твоя прямая обязанность как командира береговой базы. Ты, главное, обеспечь их всем необходимым. Сердюку, начальнику мастерской, «уазик» выделяй, когда он попросит. И катер, если ему потребуется морем добираться до складов. Да, это мое личное приказание. А тебе что, письменное и адмиральское непременно надо? Не лезь в бутылку! Вот и хорошо. Сам ни во что не вмешивайся и своим подчиненным не позволяй перегрузчиков терроризировать. Знаю я их, волков!

Перегрузчики там все грамотные, специфику работ лучше вас знают. Пусть начальник мастерской завтра с утра ко мне прибудет со всеми бумагами. Я его проинструктирую. «Добро» на операцию уже есть. Учти, все это под контролем Москвы! Что я так переживаю? Я тебе говорил, что вместе с проверяющими из Центрального управления по ядерной безопасности будет специальная комиссия «ихних» наблюдателей? Во, дожили! И еще представители «зеленых».

Да-да, все вероятные противники. А вот теперь будешь встречать хлебом-солью-коньяком; размещать, холить и лелеять. Не переживай особо: это так, среднее звено, но у нас котируются на адмиральском уровне.

Будешь-будешь, и лизать, и причмокивать! Я слышал, там бабы есть даже. Да насрать им на эти работы! У них главное — это контроль захоронения. Вот они и пойдут вместе с кораблем, если, конечно, потребуется,

на Новую Землю. Никогда туда не ходили? Ну и сейчас еще нет окончательного решения. Так ведь никогда еще и комиссий таких не было, и с натовцами не целовались. Да это все не твоя забота. Повторяю, главная твоя задача — защитить от них перегрузчиков, вежливо блокировать все попытки каких-либо проверок хода работ на плавмастерской.

Не мне тебя учить! Коньячок, водочка, с утра спиртик и грибы, рыбалка... Встретить, разместить, кормить, поить, развлекать, угодить, а самому идти на... А там, где надо, у нас все под контролем, таких потемкинских деревень настроим — тебе и не снилось!

Да, баржу-то нормально приняли, без замечаний? На ней же сверхсекретная отработанная зона с новейшей АПЛ. Только у Сердюка допуск будет, и все бумаги соответствующие.

Ну, удачи тебе!

— Да, слушаю, капитан 1 ранга Любимцев.

А, это ты, Сердюк! С командиром береговой базы говорил? Ну, характер такой у него: всех под себя кладет и... У тебя элементарная задача на первом этапе: перегрузка активных зон из одного мобильного хранилища в другое — к себе на ПМ для... Ну, да пока это никому не важно. На бербазу докладывать все, как положено, но без малейших замечаний. А мне лично по телефону утром и вечером. Фактически! Потому как, что бы у тебя ни случилось, на месте тебе помощи не будет. Для всех у тебя — никаких проблем! На баржу никого не пускай. Только твои исполнители работ там.

Со своими офицерами сам все утрясешь? Ну, тебе виднее. Завтра я тебя жду со всеми бумагами. Возьмешь «уазик» командирский, я договорился. Тебя эти прове-

ряющие и инспектора касаться не будут! наших любопытных мы нейтрализуем. Кстати, среди них кто-то из компетентных органов, имей в виду. Узнаю — сообщу. Все подробности завтра обсосем.

Работай!

— Товарищ генерал! Разрешите доложить? Работы по перегрузке активных зон спецназначения на плавмастерскую будут начаты и проведены строго по утвержденному плану. Доставка прошла без сучка-задоринки. Майор-пограничник уже отбыл в отпуск. Да, сегодня, на личной автомашине, как я докладывал. «Жигуль», «шестерка» бежевая, МУН 17-98. Капитан буксира пакует чемоданы. Иностранцев сейчас еду встречать в аэропорт.

Точно, что двое из «их» органов? Да для нас они все из «органов»! Понимаю, что совсем не то будут проверять. На крайний случай мне передали контактный телефон. И пароль тоже.

Есть приступить! Вы там у себя, в Кремле...

Понятно. Никак нет! До связи.

Глава 1

Из отпуска капитан-лейтенант Сергей Михайлович Редин всегда возвращался с удовольствием. Едва ли не с большим, чем в него убывал. Совсем не потому, что соскучился по любимой работе: его теперешняя служба была скорее ссылкой, в которую он попал четыре года назад исключительно по независящим от него обстоятельствам.

На волне глобального развала армии, флота, да и всей страны, гордо именуемого перестройкой, какой-то ретивый штабист в Москве из тех военных чинуш, что че-

рез день после памятного съезда партии писали рапорта по команде: «В такой-то войсковой части, такого-то числа, месяца, года перестройка произведена!», уловив нужную струю в верховно-кабинетной политике, спустил вниз циркуляр об очередном сокращении армии и флота. В нижестоящих штабах приказ вызвал вполне адекватную реакцию: ну какой же идиот сам себя сократит? Поэтому, красный карандаш кадровиков усиленно запорхал по штатным расписаниям действующих частей. Ведь до курьезов доходило, когда сокращались механики-водители танков, вторые пилоты в авиации, наводчики в артиллерии.

Чаша сия не миновала Военно-морской флот. Коснулась она и самого могучего и боеспособного его отряда — атомных подводных ракетноносцев, где имел честь служить капитан-лейтенант Редин. Правда, здесь помахать шашкой особо сильно не позволили уже на местах, всячески пытаясь саботировать идиотские приказы сверху. Однако логика управленцев была проста, тупа и прямолинейна: вон, штурман один управляет такой громадиной, а какой-то реактор в ней обслуживают аж десять офицеров, не считая еще полсотни мичманов, контрактников — так теперь стали называть сверхсрочников — и матросов! «Чик» карандашиком — и нет в штате какого-нибудь инженера или даже двух. Понятно, что и в штабах не все идиоты сидят. Поэтому вторую часть приказа о том, что сокращенных можно по их желанию уволить «на гражданку», категорически не выполняли, прекрасно понимая, что служба службой, а ведь и по специальности кто-то должен работать, знающий и опытный.

Вот так капитан-лейтенант Редин С.М., классный специалист, мастер военного дела, имеющий на своем счету девять автономок, к тридцати годам попал на

специальный корабль, плавмастерскую, занимающуюся перезарядкой активных зон ядерных реакторов. Для непосвященных все просто: вытаскивают урановые стержни из реакторов АПЛ, загружают в хранилище на своем спецсудне, потом доставляют к стационарному береговому хранилищу, снова выгружают и сдают для последующей утилизации. Благо все под рукой: подводных лодок в избытке, базы все на расстоянии плевка, береговое хранилище опять же тут, за углом, в Ханта-губе.

В кадрах Сергею сказали: пересиди, мол, полгодика, ты нам очень нужен. И вот он — «нужник» уже пятый год.

В свои 35 лет Сергей выглядел лет на восемь моложе. Ни намечающейся лысины, ни седины в его русых волосах не появилось. Гладкая кожа туго обтягивала высокие скулы. Короткий нос ему самому не нравился, но в сочетании со светлыми серо-зелеными глазами безошибочно выдавал в нем славянина. При росте 185 сантиметров он весил 79 килограммов, что придавало его очень пропорциональной фигуре явно выраженную спортивность. Хотя всякие регулярные занятия спортом он прекратил сразу после окончания училища. О физзарядках, пробежках и, вообще, здоровом образе жизни он и слушать не хотел: был для этого слишком ленив. На вопросы и комплименты обычно отшучивался: «Это все Крайний Север! Здесь и мамонты в мерзлоте лучше всех сохраняются».

Женат не был. При этом отнюдь не сторонился женского пола, но вопрос о браке предпочитал обходить стороной. Или уходить, причем, фактически. «Не хочу отравлять кому-то спокойную жизнь своим взбалмошным, неуживчивым характером», — отвечая так, он наговаривал на себя. Несмотря на взрывную реакцию, «заводки с полоборота», быстро отходил и зла не помнил.

Убежденный идеалист, больше всего он ненавидел в людях хамство и наглость, считая их неперевоспитуемыми и неискоренимыми, а бороться с ними предпочитал адекватными мерами. В таком отношении и брали свое начало большинство его служебных неприятностей и личных «неувязок».

Военную службу он любил, но в своем понимании. Без унижений, лизоблюдства, начальственного кретинизма и командирского свинства и тупости. «Эх, мила-а-ай! Другой-то службы и не бывает», — убеждал он себя, но, как идеалист, продолжал «любить, надеяться и верить», спокойно относясь к неудобствам и лишениям физического плана и яростно сопротивляясь малейшему моральному насилию над собой.

Еще Сергею нравилась его маленькая отдельная квартирка в Островном поселке подводников, затерянном среди северных сопок. А что до благ цивилизации, так при желании за три-четыре часа можно до Питера добраться. Они по молодости лейтенантами туда на выходные летали. А вообще, двух с половиной месяцев ежегодного отпуска ему вполне хватало для удовлетворения всех своих желаний. Он успел побывать уже на большинстве курортов Прибалтики, еще Советской, на Каспии и Иссык-Куле, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа. На это побережье он непременно заезжал каждый год. Ну, нравилось, и все тут!

Не начиная даже распаковывать вещи, взялся за телефон. До официального выхода на службу у него были еще целых два дня, не считая сегодняшнего. Сергей не любил торопиться, старался все делать по плану и заранее. Он позвонил домой своему командиру — начальнику мастерской, а в просторечье — Лешке, младше